

2 Кружок 70

Разработку теории
и научной политики Ленин
тесно связывал
с изучением и обобщением
опыта борьбы масс.
В опыте миллионов
он искал и находил ответ
на насущные вопросы
рабочего движения.
Непревзойденный стратег
и тактик пролетарской
классовой борьбы,
Ленин был
теснейшим образом связан
с трудящимися,
исходил
из их коренных интересов,
постоянно ощущал пульс
народной жизни,
внимательно изучал
социальную психологию
рабочих и крестьян,
всех слоев общества,
учитывая все это
при выработке
политических решений.

Из Тезисов ЦК КПСС
«К 100-летию со дня
рождения
Владимира Ильича
Ленина».

На первой звуковой странице
слушайте документальный
фонофильм «Петроград,
3 апреля 1917 года».
Ветераны партии рассказывают,
как питерский пролетариат
встречал
Владимира Ильича Ленина,
вернувшегося в Россию
после эмиграции.
Ленин обратился к трудящимся
с пророческими словами:
«Да здравствует
социалистическая революция!».

Юван ШЕСТАЛОВ

ОБЬ ПОЕТ О ЛЕНИНЕ

Век за веком светит солнце,
Дуют ветры с давних пор,
К северу текут издревле
Воды песенной Оби.
Если манси улыбались,
Веселел обской простор,
Но впадали в Обь притоки
Слез, печалей и обид.
По-над берегом брожу я,
Обь волнами шепчет мне:
«Родилась я раньше манси.
Все мне видеть довелось:
Как на свет явились люди,
Как из тучи гусь возник,
Как над озером священным
Прозвучал гагарий крик,
Как молились люди солнцу,
Чтобы радостней жилось.
Вместе с манси коченела
Я на северном ветру.
Много песен и преданий
В воду нануло мою.
Но одна мне всех желанней,
Люди, вам ее спою:
Голубая ночь весною
Вьется чайной надо мной.

Имя Ленина, как чайка,
Прикасается к волне.
Много чаек голосистых,
Много радости весной,
Солнца яркого сиянье
Не померкнет в вышине!
Берега шумят народом,
Как травой весенний луг,
Больша стая лебединой
Стая белых кораблей.
И людей, как блеском солнца,
Радостью пронзило вдруг.
Весело танцуют рыбы,
Ну, а манси — веселей!
Может, это сказки юным
Шепчет голубая ночь?
Но и раньше тихой сказкой
Голубая ночь плыла.
Лебедей беспечный гомон
Был, как нынешний, точь-

в-точь,

Так же рыбы танцевали
Под веселый плеск весла.
Все теперь переменялось:
Веселей ручей журчит,
Легче дышится травинке,
Словно лето, жизнь светла,
Потому что в каждом сердце
Сердце Ленина стучит,
Потому что песней счастья
Правда Ленина взойшла!»

С манси перевел А. Дихтябрь.

В ЗВУКОВУЮ КНИГУ О
В. И. ЛЕНИНЕ

У ИСТОКОВ

«Подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники».

В. И. Ленин

Все, что способствовало культурному росту трудящихся, привлекало пристальное внимание В. И. Ленина: он проявлял заботу о создании новой школы, о расширении сети библиотек, о росте советской кинематографии и организации радиовещания, о приобщении рабочих и крестьян к сокровищам литературы... О многогранной деятельности В. И. Ленина в области культурного строительства свидетельствует публикуемая краткая хроника.

1917 год. Ноябрь. Ленин пишет заметки «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде», которые начинаются словами: «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться».

1918 год. Между 15 марта и 8 апреля. В беседе с народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским Владимир Ильич выдвигает идею «монументальной пропаганды» — установки памятников революционерам, ученым и писателям и рекомендует привлечь к этой работе лучших скульпторов, художников и писателей.

28 августа. Выступая с речью на I Всероссийском съезде по просвещению, Ленин говорит: «Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что... от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем».

Декабрь. Ленин проводит совещание литераторов по вопросу об издании популярной литературы; пишет инструкцию о составе и характере издания «книги для чтения рабочих и крестьян».

1919 год. 30 января. Владимир Ильич пишет проект постановления по вопросу о положении библиотечного дела, участвует в обсуждении работы по составлению популярной хрестоматии.

26 декабря. Вождь революции подписывает декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР.

1920 год. 1 мая. Ленин выступает с речью при закладке памятника К. Марксу на Театральной площади и открытии памятника «Освобожденному труду».

20 июня. Ленин пишет записку М. Н. Покровскому о необходимости обеспечения научной работы Пулковской обсерватории.

11 августа. Владимир Ильич пишет записку в Малый СНК с просьбой обеспечить комиссию по ликвидации безграмотности необходимыми условиями работы, «ибо борьба с неграмотностью — задача важнее других».

2 октября. На III Всероссийском съезде РКСМ Ленин выступает с речью «Задачи союзов молодежи», ставшей программным документом партии в деле коммунистического воспитания молодежи.

1921 год. 27 января. Ленин принимает делегацию Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда, беседует с учеными о создании условий для научно-исследовательской работы в Советской республике.

16 декабря. Ленин дает задание Наркомпросу создать комиссию для рассмотрения вопроса об организации кинодела в Советской России.

1922 год. 15 февраля. Глава правительства высказывается за принятие проекта постановления Политбюро ЦК РКП(б) о выдвижении одним из главных лозунгов к 1 мая 1922 г. лозунга ликвидации безграмотности.

17 мая. Ленин обращает внимание работников Наркомпроса на то, что дороговизна печатных изданий «лишает народ полезных книг», и предлагает принять особые меры для снабжения книгами уездных библиотек.

1923 год. Январь. Владимир Ильич пишет последние статьи — «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», — в которых вновь поднимает вопросы культурного строительства.

«Ленинская программа культурной революции явилась важным вкладом в революционную теорию и практику. Ее основное содержание: подъем народного просвещения — создание всех условий для приобщения самых широких масс трудящихся к политике, знаниям, эстетическим ценностям; распространение научной социалистической идеологии и организация на ее принципах всей духовной жизни народа; преодоление мелкобуржуазных взглядов и нравов».

Из Тезисов ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

На фото: В. И. Ленин на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу на площади Революции в Москве 7 ноября 1918 года.

Из глубокого подполья приветствуем вас, герои Красной Армии, с изумительным мужеством и самоотверженностью сражающихся за свободу своей родины и тем самым добывающих свободу нам и всем поработенным народам Европы. Когда-то, покинутые всеми остальными, мы верили в вас и в вашу силу, и из нее мы черпали свою силу для сопротивления самым чудовищным угнетателям, каких только знает история. Мы знали, что придет ваше время, когда вы сумеете сокрушить военную машину мирового фашизма. Это время пришло.

...В союзе с вами на жизнь и на смерть в решающей борьбе против Гитлера мы победим!

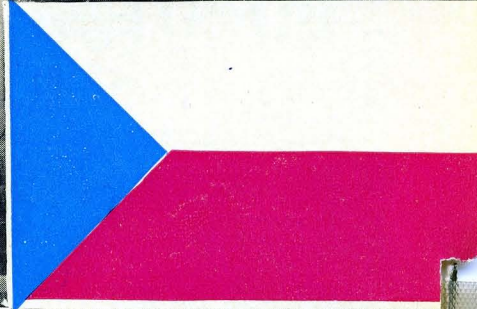
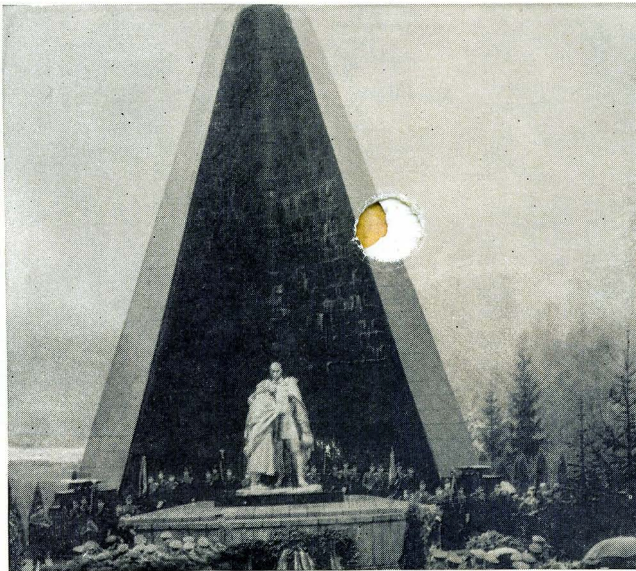
Из приветствия Красной Армии борцов чешского подпольного движения. Опубликовано в подпольной газете «Руде право» в феврале 1942 г.

Людвиг СВОБОДА

Отрывок из книги
«От Бузулука до Праги».

ДУКЕЛЬСКИЙ ПЕРЕВАЛ

...Мы вступили на родину плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига.

Чехословацкий народ всегда будет чтить память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов.

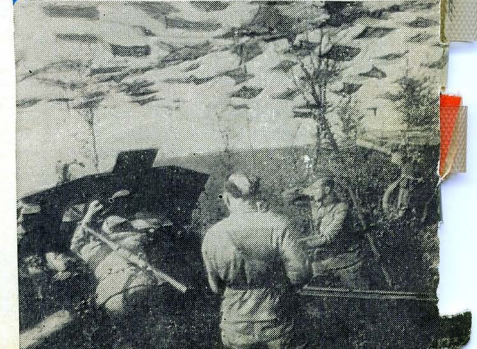
Командир 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР Л. Свобода.
Опубликовано во фронтовой газете «За свободную Чехословакию» 6 октября 1944 г.

Генерал
Л. Свобода.
Дукла. 1944 г.

На Дукельском
перевале. 1944 г.

Памятник на
Дукле. 1969 г.

Президент ЧССР
Л. Свобода.

Радостная и великая минута приближалась.

«Эй, ребята, подъем!» — разбудил сержант Хмелик автоматчиков поручика Билея из 2-го батальона 1-й чехословацкой бригады, которые на минутку вздремнули в церквушке в Зундранове.

Страхнув с себя усталость и сон, приготовились слушать, с чем к ним пришел сержант. «Каждый батальон сегодня посылает разведку. Мне поручено организовать группу, которая должна обеспечить вступление на территорию Республики. Кто желает пойти добровольно?»

Выходит ефрейтор Тырек. Он недавно получил из Здолбунова известие о том, что при налете фашистской авиации погибли его мать и одиннадцатилетняя сестренка. Теперь у него никого не осталось. Тырек пойдет мстить за них. Затем руки поднимают: сержант Небеляк, ефрейтор Рочил, бойцы Кучерявий, Терехани, Гайда, Гойбела, Немрих, Мазур.

«Хватит, достаточно, ребята! — машет рукой Хмелик. — Больше не требуется...»

Группа добровольцев под командованием сержанта Небеляка вышла в два часа ночи 6 октября по направлению к государственной

границе. Было сыро и совершенно темно.

До пограничного камня на Дукле было примерно два километра.

Откуда-то сбоку послышалась стрельба. Выстрелы были одиночными, и их оставляли без ответа. Фашистский автоматчик падал без остановки. Раненых не было, пострадал только государственный флаг, который добровольцы несли с собой. Он весь был прострелен, а древко разбито.

Постепенно начало светать. В полутьме вправо от себя разведчики увидели асфальтированную дорогу. На ее обочине красно-синеватый знак. Там начиналась родина. Всех охватило радостное чувство. Ефрейтор Тырек в Чехословакии еще никогда не был, там жили его предки. Сам же он родился и вырос на Воычичи.

Разведчики внимательно осматривали местность, чтобы случайно не наступить на мину. Теперь, когда до родной земли подать рукой, подобно лисам разведчики петляли среди опасных холмов. Обходили мины, которые гитлеровцы расставили ночью вдоль границы и которые еще даже не успели покрыться росой.

Это было целое минное поле. Смелчаки осторожно переползли через него и оказались на земле Чехословацкой республики.

После этого послали связных, чтобы сообщить сержанту Хмелику и командиру роты Билею, что группа разведчиков в шесть часов утра достигла чехословацкой границы. А теперь эта группа передвигается по территории Чехословацкой республики.

Немного позже на государственную границу вышли и остальные разведчики.

Радостный и долгожданный день настал.

Пошли в наступление части 1-го чехословацкого корпуса, подавили вражеское сопротивление при обороне Дукельского перевала и около восьми часов утра переступили чехословацкую государственную границу, продолжая преследовать неприятеля. До обеда был освобожден первый словацкий населенный пункт — Вышний Комарник, а к полудню и Нижний Комарник. Ворота в Чехословакию были открыты.

Через Дукельский перевал советские войска и вместе с ними наш армейский корпус несли свободу народам Чехословакии.

Перевод со словацкого.

У подполковника Национальной Народной армии ГДР Альфреда Кёнена в Москве много друзей. Когда он приезжает сюда, его дни заполнены встречами: с бывшими разведчиками Западного фронта, с соратниками по партизанскому отряду и товарищами по антифашистской работе.

Эти люди давно уже сменили гимнастерки и кители на гражданские костюмы. Но встречи с Альфредом возвращают их к незабываемым, к жестоким дням. Разве могут они забыть рискованные вылазки во вражеский тыл, яростные схватки с карателями в Брянских лесах! Возникают в памяти лица тех, кто погиб, но навечно остался в строю. Вспоминают день, когда брат Альфреда — Виктор — не вернулся с задания.

Подполковник Альфред Кёнен сидит передо мной, откинувшись на спинку кресла. Я слушаю его рассказ. Голос Кёнена ровен. Только вспоминая об отце, Альфред прикрывает глаза и крепко сжимает сплетенные пальцы.

— Гитлеровские штурмовики напали на них в феврале 1933 года. Шла окружная партийная конференция. Штурмовиков было 800, коммунистов — 40. Отец был председателем собрания, он чудом остался жив...

Я запомнил фразу, которую Альфред Кёнен произнес, чуть смущаясь: «Знаете, мы, Кёнены, потомственные коммунисты...» Это действительно так. Дед Альфреда Кёнена — друг и соратник Карла Либкнехта и Клары Цеткин. Его отец, Бернارد Кёнен, — активный работник Комму-

В. И. Ленин выступает на заседании III конгресса Коминтерна. В президиуме первый слева — Бернارد Кёнен.

Альфред Кёнен. 1969 г.

Виктор и Альфред Кёнены (Стаффорды). Москва. Декабрь 1941 г.

нистической партии Германии. Летом 1921 года в составе немецкой делегации он приезжал в Москву на III конгресс Коминтерна.

В нашей стране и за рубежом известна фотография: В. И. Ленин выступает на III конгрессе Коминтерна. Лишь недавно удалось установить, что человек в темном костюме с бородкой, сидящий слева в президиуме, это и есть Бернارد Кёнен.

ОТЕЦ И СЫН КЁНЕНЫ

В 1933 году Бернарда Кёнена, тяжело раненного в стычке с нацистами, товарищи по партии переправили в Советский Союз. А через некоторое время в нашу страну нелегально приехала его жена с двумя сыновьями — Альфредом и Виктором...

Отец после выздоровления работал в МОПРе, дети учились в школе, закончили ФЗО, а потом...

— Я узнал об этом на улице, — вспоминает Альфред Кёнен. — Было воскресенье. Я встал рано, хотел пойти в парикмахерскую, чтобы встретить выходной, как говорится, «при параде». И вдруг... Словно удар током. И одна только мысль — на фронт! Даже домой не позвонил, бросился на Московский автозавод, где я тогда работал. На заводском дворе невозможно было пробиться.

Добровольцев записывали в парткоме, в профсоюзном комитете, в комитете комсомола. Я встал в очередь и увидел своего брата Виктора...

В скупых строках журнала боевых действий разведотдела Западного фронта, который хранится в одном из военных архивов, нет красочных описаний, нет каких-то захватывающих подробностей. Только имена: Макс Беккер, Курт Ремлинг, Альфред и Виктор Стаффорды (под этой фамилией семья Кёненов проживала в СССР), Нина Германова, Евгения Николаева. Только названия населенных пунктов: Назимово, Бубново, Староселье, Никиткино. Только даты. Но в конце каждого абзаца — фраза: «Задание выполнено»...

А. СИНЕЛЬНИКОВ

— Ну, не желают парни расти, что т-ты будешь делать? — Марат Игоревич Пихтовников, начальник Анадырского аэропорта, припечатывает к столу смуглую ладонь так, что решетчатый раструб селектора отзывается виноватым бормотанием. — Внушал я им: мол, какой с вашей «Аннушки» спрос — пара крыльев да лыжонки, а тринадцатый пассажир уже в тягость, и не в предрассудках дело, что тринадцатый, а в перегрузке. Пора бы, внушал им, на «ИЛ» переучиваться, на «АН-24». Уперлись: а сопки с пичьего полета видели? Почище, мол, Ронуэла Кента. Лирику, словом, разводят. А разве в лирике дело?..

Пихтовников кипит, жмурит азиатские свои глаза, но зла в голосе начальника аэропорта я не ощущаю. Видно, ему, как и мне, нравятся эти два парня, и упрямство их нравится, и верность своей «Аннушке» — самолету «АН-2», почти безотказному чумотскому такси.

В этом «такси» Герман Вольнов и Толя Чумаченко — герои нашего разговора — везли меня из залива Лаврентия на самую восточную окраину Чукотки. Кутаясь в полушубок, которым ссудили меня в Анадыре, жался я к бочкам с медом и соленостями, их спешили доставить к новогоднему столу. Праздник везде праздник. Толя — он летел вторым пилотом и был посвободнее — то и дело зазывал меня в малагабаритную, как кухня московской квартиры, кабину, чтобы я разделил с ним восторги по поводу серой, изжеванной океаном полоски берегового припая и бесконечных со-

НЕ В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ

КРЫЛАТАЯ ЧУКОТКА

пок, уходящих к низкому, бледному в морозной дымке светилу.

— Вечность, а? — кричал мне в ухо Толя, а Герман только улыбался, не отрываясь от штурвала.

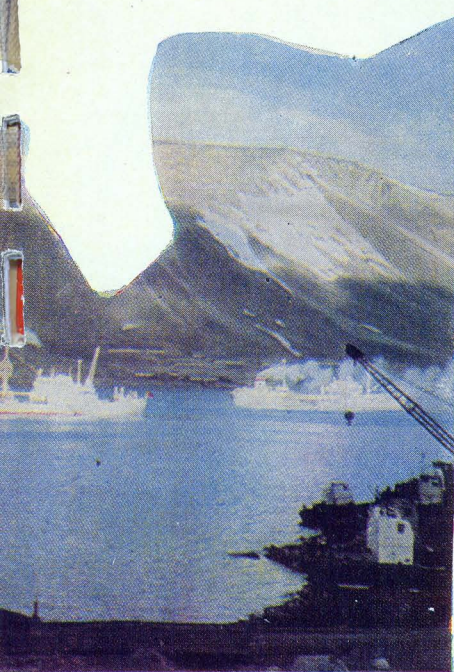
— Нет, я не спорю, должность у ребят знаменитая, — говорит Пихтовников, остывая. — Не успею приземлиться, если последний рейс, так их прямо рвут на части, каждый тащит к себе нечавать: в гостинице-то с местами не густо. Не думай, что заискивают, друзей повыгоднее ищут. Хлеб у наших летунов не дармовой, это всякий понимает. Но чего ж они, окаянные, за стрекозу свою так держатся?

Последний вопрос звучит у Пихтовникова больше по инерции. Он прекрасно все понимает. И, предложи ему кто-то перебросить Толю и Игоря на иную, более мощную машину, он будет точно так же кипятиться и прихлопывать ладонью по столу, доказывая, что парням просто замены нет, потому что хоть «АН-2» и не «ТУ-104», но ведь это все же «АН-2» — самолет, который здесь, на краю земли, садится и поднимается в самых невероятных условиях и даже если условий вообще нет, а есть только одно — «надо»...

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент «Кругозора»

Анадырь — Москва

Крылатым труженикам Аэрофлота, несущим суровую вахту на ближних и дальних трассах страны, посвятили пятую звуковую страницу композиторы Ян Френкель и Александр Колкер.

Снимки Дмитрия Вальтерманца, обведенные географическим контуром, не вмещают, конечно, всей Чукотки. Но они позволят читателю журнала ощутить ледовое дыхание дальней окраины нашей земли. Это действительно край земли. Даже стремительное солнце, начав свой утренний разбег над Бухтой Провидения, катится до Москвы десять долгих часов...

Эти суровые места дороги оленеводу Эпувье, молодым чукчанкам Нотат и Коян, пареньку, вернувшемуся в родное стойбище на летние каникулы, старому художнику-костюмеру и герою нашего рассказа — чукотским летчикам.

Герман Вольнов и Анатолий Чумаченко — пилоты чукотского неба.

Фото В. Вахнюка.

Оркестр под управлением Давида Ойстраха. Дирижер — Мстислав Ростропович...

Причуды прославленных? Или на дирижеров теперь мода, как на кинорежиссеров?

...А и правда: почему скрипач, виолончелист, пианист становятся за пульт перед оркестром, для чего меняют они привычный инструмент на другой, и притом самый сложный из всех музыкальных инструментов — на тонкую деревянную палочку? Откуда смелость соперничать с профессионалами? Да ведь и страшно — выгладеть перед слушателем новичком...

Наверное, есть для этой перемены какие-то очень серьезные причины — слишком много препятствий приходится преодолевать музыканту, слишком многим рисковать.

Но ведь почти все — если не вообще все — дирижеры, даже самые известные, были инструменталистами. Потом, в какой-то важный момент жизни, выяснялось, что подлинное их призвание не скрипка, не рояль, а управление оркестром.

Но по-другому идет и дирижерскому пулту человек, до самых высот мастерства постигший тай-

ЖЕЗЛ

ны одного инструмента. Его ведет сама музыка. Музыка — это преодоление невозможного. Бетховену не хватало рояля в рояле, он хотел чего-то большего, чего-то такого, что лежит за пределами свойств рояля, хотел, чтобы рояль звучал, как оркестр, но в оркестре ему не хватало оркестра, и он ввел хор. Если бы он мог работать дальше, ему не хватило бы и оркестра и хора; возможно, ему понадобился бы еще и цвет, как Скрябину. Процесс этот бесконечен, и бесконечно мучительно движение к пределу и за пределы...

Так у всякого настоящего пианиста, скрипача, виолончелиста: музыка, что звучит в его душе,

много больше той, что мы слышим в зале; и никогда, никак не удастся ее сыграть, сделать слышимой для всех... Тогда человек идет к оркестру. Теперь в его руке огромная мощь, в его распоряжении необычайно богатый репертуар. Репертуар произведений для виолончели, например, очень обогатился за последние годы, но разве можно сравнить нотный багаж виолончелиста с библиотекой сочинений для оркестра? И разве не должен страдать из-за этого ограничения каждый музыкант, прикованный своим мастерством к одному-единственному инструменту? Страна музыки так обширна, так разнообразна... И вот не только скрипичный Бетховен, но и Бетховен-симфонист доступен Давиду Ойстраху. И Мстислав Ростропович руководит оперным спектаклем — теперь он может выразить себя и в оркестре, и в голосах певцов, и в самом движении действия... Может — и не может, потому что предел обманчив, и опять на пути к нему неисчислимые и непреодолимые до конца трудности.

Однако у исполнителя, впервые поднявшего палочку дирижера, много помощников. Это и его

ДИРИЖЕРА

талант музыканта-интерпретатора, и та «внутренняя» музыка, что звучит в нем, и то уважение оркестрантов, которое они испытывают к большому артисту: оркестр старается помочь... Я был на репетиции Вэна Клайберна в Ленинграде: Клайберн готовился исполнить третий фортепьянный концерт Сергея Прокофьева. Он дирижировал и одновременно исполнял сольную партию. Репетиция то и дело прерывалась, опытный дирижер — ленинградец Арвид Янсонс — помогал своему новому коллеге распутать сложные узлы в партитуре. Иногда казалось, что Клайберна охватывает отчаяние!.. Но оркестр шел навстречу. Музыканты понимали музыканта отлично...

А когда дирижер Давид Ойстрах отправился в заграничное турне, что писали о его концертах газеты? «Малер звучал попросту гениально» (Париж); «Ойстрах за пультом равен Ойстраху со скрипкой или подобен ему» (Милан).

С. СОЛОВЕЙЧИК

Фото Б. Борисова и О. Макарова.

РЕЧИТАТИВЫ ГИЗЕЛЫ МАЙ

6

Передо мной в берлинской студии грамзаписи «Этерна» среди попитров, свисающих с потолка микрофонов, брошенных на стулья плащей сидела женщина с очень знакомым лицом. Мне показалось, что я уже встречал линии этих упрямых глаз где-то в графике Кете Кольвиц. Ее худое лицо, печальная складка у рта вызвали в памяти лица немецких пролетарок — матерей и жен восставшего в двадцать третьем рабочем Гамбурга — черты, схваченные легким и точным репортерским пером Ларисы Рейснер.

Но вот Май подняла брови, послышался ее низкий голос, и видение чуть отошло. Началась запись. Чтобы слышать заранее зафиксированную на пленке фонограмму-аккомпанемент, Май надела большие круглые каучуковые наушники. Пошли зонги Брехта — Эйслера, интимные, странно-тревожные, прерываемые короткой декламацией поэмы. Тревожные поэмы века тревог. В наушниках Май казалась радисткой, вызывающей далекие людские «радиостанции». И операторы в студии точно так, как потом зрители в театре «Берлинер ансамбль» («Приходите! Завтра я играю Копецку в «Швейке...»), принимали Май на своих волнах. Это был телезффект. Она обращалась к каждому в отдельности и одновременно ко всем.

Но Гизела Май — актриса не только тысячи и одного зрителя. Она актриса едва ли не единственного автора — Бертольда Брехта. В театре Брехта зонги должны сообщить не только эмоциональную окраску мысли и поступкам человека на сцене, но и авторское отношение к персонажу. И произнести-спеть их должен актер универсального типа, который сверх чисто актерского багажа должен иметь надежный жизненный компас. Май получила его в наследство от родителей-антифашистов еще в ранней юности, когда кругом шла кровавая борьба с гитлеризмом. То трагическое для человечества время, пронизанное взрывами бомб и криками раненых, определило всю дальнейшую судьбу певицы Гизелы Май. Она связала свою судьбу с социализмом именно потому, что четко осознала, какого героизма и труда он стоит.

Как-то писатель Эрих Кестнер отдал ей один из своих текстов и предложил самой сочинить музыку. Май взглянула на стихи и улыбнулась. Под заголовком «Мечты» стояла первая строка: «Она поет о том, что знает, и знает, о чем поет».

Артем ГАЛЬПЕРИН

Берлин.

Генуэзская крепость.
XIII век.

Раскопки города Сала-
миса. II век до н. э.

Средневековые разва-
лины.

Олег ДМИТРИЕВ

РЯДОМ С ГОРОДОМ

Фото
автора

Республика Кипр — маленькая страна. Но для вступившего на ее землю это не бросается в глаза, потому что человеческий взгляд может охватить небольшую часть пространства. Для меня равнины Кипра были бескрайними, а горы — далекими, и трудно было поверить, что остров можно пересечь с севера на юг за два часа.

Далекое прошлое Кипра окутано дымкой легенд и сказок. Именно на Кипре, неподалеку от городка, носящего гордое имя Пафос, появилась из пены морской богиня красоты и любви Афродита, поэтому-то так часто называют ее Кипридой... Читая «Отелло», каждый, вероятно, обращал внимание на ремарки, сделанные Шекспиром: «Приморский город на Кипре. Крепостная площадка» или «Кипр, Перед замком». Они имеют точный адрес. До сих пор поражает воображение мрачная величавая крепость, главенствующая над портом Фамагусты, в которой свершилась трагедия венецианского полководца.

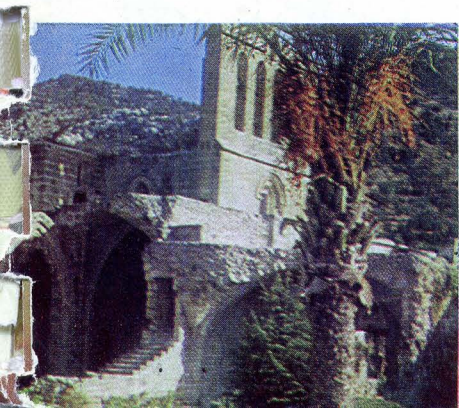
Самые разные народы оставили свой след на кипрской земле. Вряд ли где-нибудь еще так сконцентрированы памятники архитектуры различных стилей и эпох: эллинские храмы и венецианские фортеции, монастыри, построенные крестоносцами, и мусульманские мечети, амфитеатры римлян и церкви христиан... Кипр — заповедник зодчества, созданный самой историей. Но история Кипра — это и многие годы освободительной борьбы и почти десятилетие существования Кипра как самостоятельного государства.

О жизни республики нам рассказали принимавшие нас члены прогрессивной молодежной организации ЭДОН.

Обстановка, в которой проявляет свою социальную активность передовая молодежь Кипра, сложна и противоречива: проблемы сосуществования на острове двух национальных групп — греков и турок; агрессивные планы НАТО, связанные с расположением на острове английских военных баз... Земля, готовая дарить плоды круглый год, и нехватка пресной воды для орошения. Довольно высокий уровень жизни в городах и бедность в деревне. Веселые туристы на пляжах Ларнаки и крестьяне из деревушек центральной части острова, которым редко приходится видеть море...

...У нас зима. На улицах в руках у прохожих нет-нет да и мелькнут пакеты с оранжевыми апельсинами. Я видел эти плоды на Кипре в начале октября, когда они были еще зелеными, с чуть только проглядывающей желтизной. Я знаю, что киприоты прислали эти маленькие аккумуляторы своего щедрого солнца, чтобы нам было теплее в сумеречные зимние дни. А ему, этому народу, живется светлее и теплее оттого, что на свете есть наш народ. Это чувствовалось во время коротких встреч и больших собраний, во время деловых разговоров и застольных бесед.

Кипрское застолье полно нескончаемого веселья и немислимо без танцев и песен. Поют все — именно поют: ни про одного человека нельзя сказать, что он только подпевает, и ни один человек не отказывается от роли солиста, когда его об этом попросят. На звуковой странице Андреас Стилиану, молодой киприот, эдоновец, который учится сейчас в Москве, представит вам песню Кипра, и пусть они откроют вам душу людей, живущих на острове Афродиты...

Александр Яшин умер летом 1968 года. Приблизительно за месяц до смерти он писал: «Дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряженностью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле».

В архиве Яшина остался цикл рассказов «Вместе с Пришвиным».

Два из них мы публикуем в этом номере.

талая вода

Все большое начинается с малого. Ручеек пост. Свзозь лед перебежна теней, капелек, пузырьков. Только с горки течет надо льдом. Постепенное нарастание шума. Течет с крыш. Шум снега, шум леса.

Что хочешь услышать, то и услышишь. Воркование голубей, гнев, протест. И все нарастает, все начинается с малого. А началось — не остановишь. Весна придет, неизбежно.

За первыми каплями воды под снегом уже чувствуются ростки зелени. Луг заполняется водой, становится озером, заливом.

Так и в поэзии, во всем.

вилы

Кто собирал грибы, знает: стоит найти хоть один приличный гриб, и уже нет сил оторвать глаз от земли. Идешь по перелеску, по опушке, по лужайке и ничего не видишь, кроме мха, да кочек, да опавших листьев, ничего дальше своего носа. Мало того, и листья то частенько принимаешь за грибные шляпки. Азартные грибники так привыкают за лето ходить с опущенным взглядом, что и в зимнюю пору, оказавшись в лесу, уже не могут глаз поднять.

А я знаю еще таких, что как тронутые ходят по асфальтовому шоссе и все чего-то ищут, что-то подбирают. Чаще всего это автомобилисты-любители, собирающие на трассах всевозможные гайки, болтики, все нужное и ненужное: авось, в хозяйстве пригодится.

Но есть люди, что смотрят в лесу не под ноги, а в небо.

Деревня не может обойтись без вил. Раньше они нужны были каждому хозяину — на сенокосах, на гумне, на скотном дворе. Нужны не меньше и теперь. Какие бы хитроумные стогометатели мы ни изобрели и даже если они будут работать безотказно, вилы все рав-

но необходимы и в колхозах. А вилы эти березовые, металлическими их не заменишь, и растут они в березовых рощах. И надо оглядеть сотни, тысячи березовых вершинок в небе, чтобы обнаружить одну трехрогую, а то и четырехрогую, из которой могут получиться настоящие, добротные сенные вилы. И чтобы рога эти были не сучьями, а рогами, подходящимися в сторону на одной высоте, из одного основания, и чтобы они были приемлемой толщины, и чтобы черенок тоже был не слишком толст и достаточно длинен.

И вот куда бы мужики ни шли, ни ехали, чем бы ни занимались, а в березовых лесах они задирали

к небу головы, вытягивали шеи, прикрывали ладошкой глаза от света, и выпяченные острые мужские кадыки торчали, как твердые грибные наросты на березовых стволах.

Не любил крестьянин покупать то, что сам в своем лесу добыть мог. Каждый старался сделать для себя и сани, и дугу, и оглобли для телеги, и вилы. Но не все было удачливы.

Помню я одного мужика — Степу Оганёнка. Был он беден, многодетен, гнетка имел старого, слабого, обладавшего разве что четвертью лошадиной силы, и коровенку одну, а вилами мог обеспечить несколько деревень. Степины вилы славились легкостью, прочностью,

красотой. Имея всегда большой запас, он отдавал свои вилы по дешевке, поэтому многие предпочитали покупать их у Степы, а не искать в лесу. А Степа по привычке всю жизнь ходил с высоко поднятой головой и даже в деревне часто спотыкался о камни, об изгороди, наступал посреди улицы на поросят и коз. Над ним смеялись, но беззлобно, говорили, что он не от мира сего, рассказывали про него всякие побаски и необывальщины. Однажды он будто бы упал в колодезь, и, когда его вытаскивали, он, сидя на бадьбе, разглядел в небе, почти под облаками, вершину березы с отличными четырехрогими вилами, которые можно было обнаружить только из

глубокой колодезной трубы. Невзирая на то, что береза росла у соседа под окном, ничто уже не смогло ее спасти от топора Степы Оганёнка.

Рассказывали еще, что Степа все же устался как-то и в землю. Было это на росстанях, на развилке трех проселочных дорог. Увидел он развилку и замер и долго стоял пораженный, сосредоточенный на чем-то своем. А когда глубинная работа мысли закончилась, он произнес:

— Дык это ж вилы! Надо же!..

И двинулся дальше, опять вскинув голову к небу.

— И запнешься, Степа! — кричали вдогонку взрослые и ребятишки, когда он шел по деревне, уставясь на облака, и открытый кадык его, казалось, готов был выскочить из дряблой загорелой кожи.

— Что там, Степа? Как там в раю живут? — спрашивали его.

— Ты землю-то хоть видал ли, Степа, какая она?

Об этом мужике я не раз вспоминал, когда думал о Пришвине. Пристальность, с какой вглядывался он в окружающий нас мир, в даль полей и лугов и в лесное многоэтажье, поражала меня.

Земля мой Степа вряд ли видел в вершинах деревьев что-либо, кроме своих вил. При этом он топтал цветы.

А Пришвин видел и небо и землю, всю глубину леса с его многонаселенностью и все луговое многообразие, каждое зернышко в колоске и каждую тычинку в соцветии и никогда ни к чему живому не был равнодушен. Многие десятилетия он как одержимый бродил по земле-матушке от зари до зари то с ружьем, то с записной книжкой — то вскинув голову к небу, то не отрывая глаз от земли. Он дружил с природой, не заискивая, без низкопоклонства, дружил на равных началах, и природа ничего от него не прятала.

Рассказал я Пришвину на прогулке о своем Степе, о том, как он всю свою жизнь в небо смотрел. Михаил Михайлович остановился, вглядываясь в меня, задумался, при этом губы его в глубине усов и бороды сделали какое-то чмокающее движение, и заметил:

— Ни земли, ни неба не видел ваш Степа Оганёнок. Жалко мне его.

Спорт... Искусство... Новый художественный жанр. Так говорят, так спорят о собственно простой вещи. Точнее говоря, о вещи некогда бывшей простой. Были заснеженные пруды. Были нафабранные усы и беличьи муфты. Духовой оркестр играл вальс «На сопках Маньчжурии». И по льду неторопливо скользили пары...

Но вот миллионы людей на стадионах и у экранов телевизоров, миллионы, далекие и близкие спорту, ждут выхода на лед танцоров. Победы, поражения, решения судей, космические вращения и прыжки заставляют поклонников фигурного катания взрываться аплодисментами, вскакивать в отчаянии, выражать несогласие с решением жюри так же энергично, как это делают, скажем, футбольные болельщики...

Спорт — это фигурное катание. Здесь элемент состязания, конкурентной борьбы очень важен. Конечно, публика любит фигурное катание за красоту, пластичность, музыкальность. Однако на льду одни спортсмены публике нравятся больше, другие — меньше. В этом театре, со сложной психологической и эстетической борьбой, есть судьи. Они ставят оценки: скажем, 5,5 или 5,8. И публика сразу же узнает, кто на сегодня лучший. В один вечер вы получаете все: и эстетическое удовольствие, и эмоциональный заряд борьбы, и слушаете популярные мелодии, и, наконец, знаете точный итог.

Наши фигуристы рассказывают, что когда после первенств мира они отправляются в традиционные показательные туры по странам Европы

и Америки, то на ледяных стадионах всегда бывают сверханшлаги.

Искусство — это фигурное катание. Вообще-то спорт и искусство издревле близки. Вспомним традицию древнегреческих олимпиад, где певцы и поэты состязались рядом с борцами и бегунами. Фигурное катание, в своем слиянии спортивного и художественного, не кажется ли отголоском тех времен, когда люди устремились к синтезу физического, эстетического, интеллектуального?

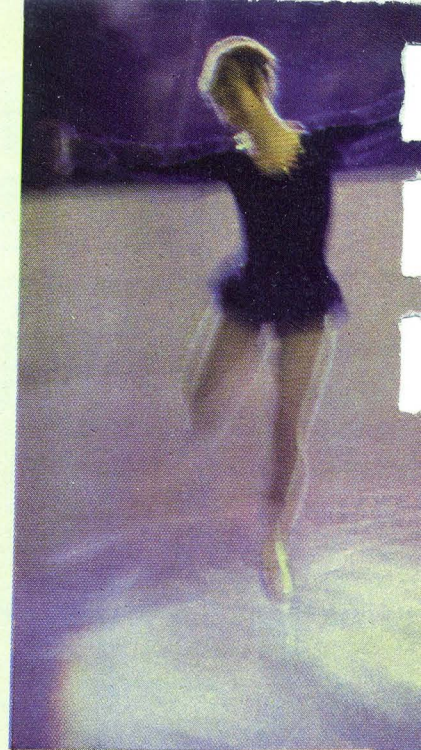
Музыка, сверкающий лед, артистизм, невероятная плавность скольжения, множество чисто театральных, балетных приемов — нет другого вида спорта, столь близкого музыке, балету.

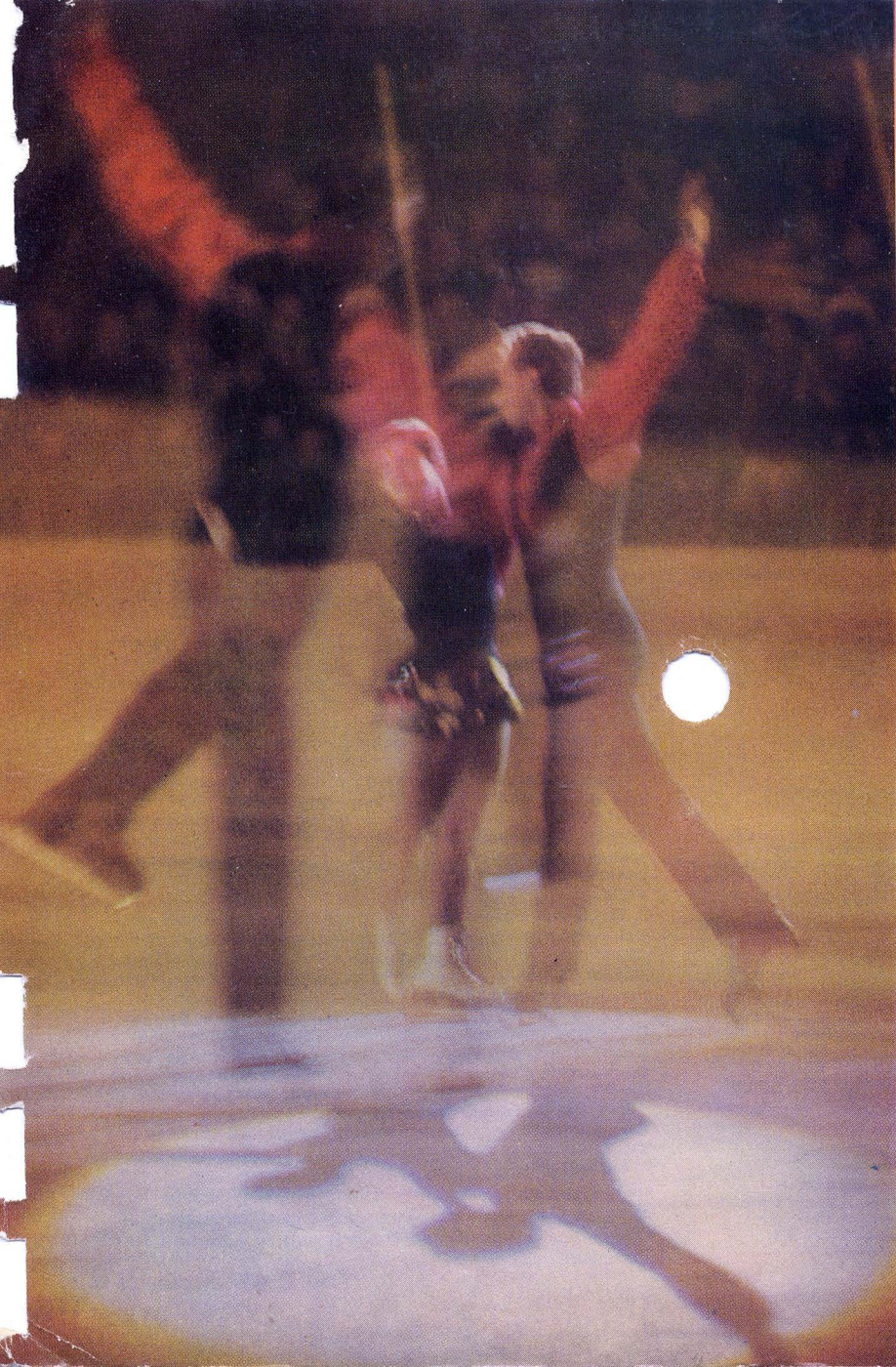
Прямое доказательство причастности фигурного катания к искусству — балеты на льду. В них сейчас используются сюжеты, аналогичные сюжетам хореографического те-

атра. И «Жар-птица», и «Лебединое озеро», и «Сотворение мира». Но фигурное катание пока еще беднее балета. Меньше элементов, прыжки пока однообразны. В сущности, для непосвященного зрителя все эти «сальховы», «лутцы» одинаковы. Разнятся они только по количеству оборотов. Но есть попытки изменить некий консерватизм движений...

Новый жанр — это фигурное катание. Мы говорили об идентичности с балетом. Но разве в балете

НА СЕРЕБРЯНЫХ ПУАНТАХ

возможна такая продолжительность движений! Классные фигуристы, идеально владеющие коньком, могут, незаметно оттолкнувшись, буквально плыть по льду, не сделав больше ни единого движения. Трудно удержаться от сравнения с плывущим лебедем... Но главное — темп. Если в балете возможны статичные поддержки, фиксация поз, то в фигурном катании любой элемент продиктован темпом. Причем скорость возрастает. И лирические, и спортивные, и хореографические, и даже изобразительные моменты рождаются теперь в убыстряющемся полете. Возможно, эта скорость и унесет фигурное катание от балета. В скольжении на льду появятся новые артисты с идеальной техникой, безупречные хореографически, выразительные. Появятся новые хореографы, которые не будут механически переносить балет на лед или, наоборот, пассивно следовать традициям фигурного катания...

Мы видели Людмилу Белоусову и Олега Протопопова. Они поэзия фигурного катания. Видели канадца Дональда Джексона, мужественного бойца и спортсмена. А Пегги Флеминг! Она единственная может взять для катания «Ave Maria» Шуберта. И, наконец, мы присутствовали при рождении новых чемпионов мира — Ирины Родниной и Алексея Уланова. Уникальная пара, где каждый — индивидуальность.

Это — фигурное катание.

На звуковой странице вы услышите слагаемые его побед и поражений, а главное, почувствуете пульс ежесекундной напряженной работы спортсменов-артистов.

А. АГАМИРОВ

Фото Л. Лазарева.

слушайте

в

номере

В «Звуковую книгу»
о В. И. Ленине»

1. «Петроград. 3 апреля 1917 года». Рассказывают В. Д. Бонч-Бруевич, Н. Д. Блохин, Е. Д. Стасова, М. Л. Сулимова, А. А. Андреев.
2. «Миллионы, внимающие прекрасному».
3. «Великий наш первоучитель...» Поэты читают стихи о Ленине.
4. Четверть века назад. «История запомнит ту весну». Звуковые документы.
5. Песни пятого океана. Я. Френкель, И. Шаферан. «Что пилоту нужно»; А. Колкер, К. Рыжов. «Аэрофлот». Поют Э. Хиль и квартет «Анкорд».
6. Гизела Май — слово и песня. Б. Брехт, Г. Эйслер. «Хвала коммунизму»; З. Кёлер, Г. Кнайфель. «Не забывай мрачных часов»; В. Брэнниг, Г. Натчински. «Ты, наше время».
7. Фигурное катание... Звуковые автографы чемпионов.
8. Кипр — древняя земля.
9. Мстислав Ростропович за дирижерским пультом. Фрагмент оперы «Евгений Онегин». Татьяна — Галина Вишневская.
10. Песенные премьеры. Д. Тухманов, М. Ножкин. «Только ты молчи»; О. Фельцман, И. Шаферан. «Не судьба». Исп. Г. Ненашева и М. Магомаев.
11. Квнтет физиков. М. Синельников. «Красный командир»; В. Егоров. «Дожди»; французская песня «Проходит все».
12. Румынская певица Л. Добреску. Д. Григорцу. «Возьми от жизни все, что прекрасно»; Э. Деда. «Ох, сердце, сердце».

Звуковые странички изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

2 (71) февраль 1970

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки: рисунок
Гунара Кроллиса —
«Латышские стрелки»
(Вильнюс).

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. С. Шторх
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор 26/ХІІ-69 г.
Б 04413. Подп. к печ.
16/І 1970 г.
Формат бум. 84×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 3622. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Пятеро из пяти — физики.

Четверо — студенты физфака МГУ. Пятый — ансамбль биофизик, а в ансамбле — руководитель. Это Сергей Никитин, автор многих песен, в том числе «Маленького трубача».

Трое из четырех — шестой курс. Это грустно, потому что означает: трудно, а может быть, и невозможно станет жить квинтету через несколько месяцев, ведь так мало шансов на то, что работать придется в одном месте. А какие бывали ансамбли! Вспомним, скажем, тех, которых повсюду звали просто «физтехами». Но минули быстрые семестры, и распались физтехи... Хорошо, что хоть на пленках сохранились их голоса: нет-нет да и услышишь по радио «Гренаду», которой когда-то физтехи дали жизнь...

Но вернемся к квинтету. Владимир Улин специализируется по теоретической физике, а в ансамбле не только поэт, но вместе с Сергеем играет на гитаре. Коля Туркин на третьем курсе. Испанка Кармен Сантакреу с кафедры ускорителей. Другой женский голос в квинтете — таджичка Таня Никитина. Таня делает диплом на лазерах. Я как-то наблюдал, как сидела она, маленькая, тоненькая, в полутемной комнате среди чудовищных агрегатов и отлично разбиралась в этих сложных машинах.

Пятеро поют песни, которые им нравятся. А когда нечего петь, садятся и сочиняют сами.

Здесь уместно обсудить историю спорного вопроса. Согласимся, что рождение песни есть акт движения души. Об этом, наверное, забывают, когда делают песни на «профессиональные» и «самодельные». Все мы, любители петь и слушать песни, стали бы богаче, если бы при решении вопроса о рождении песни смотрели: действительно ли присутствуют в песне душа, личность, живое чувство? Это наряду с профессионализмом, артистизмом, умением воссоздать душевное движение адекватным движением мелодии и слов...

Отрадно видеть, как выросла студенческая песня, которая следует в своей жизни именно этим правилам. Помню робкое начало. Песни, зарождавшиеся в разных институтах, были в чем-то сходны. Еще не отваживались поднимать гражданскую тему, пели про дым коистра и девушку хорошую. Но студенческая песня уже начала завоевывать аудиторию, которая оказалась намного шире студенческой. Позже, когда эта песенная волна призвала под свои знамена поэтов, когда пришла пора артистизма, тогда-то в полный голос и с той же степенью серьезности зазвучала в студенческой песне гражданская тема...

Но пора дать слово квинтету, скорее октетту, так как в записи на пленку приняли участие еще математик и пианист Андрей Степанов, физик — контрабасист Вячеслав Рахматулин и ударник Николай Нежданов.

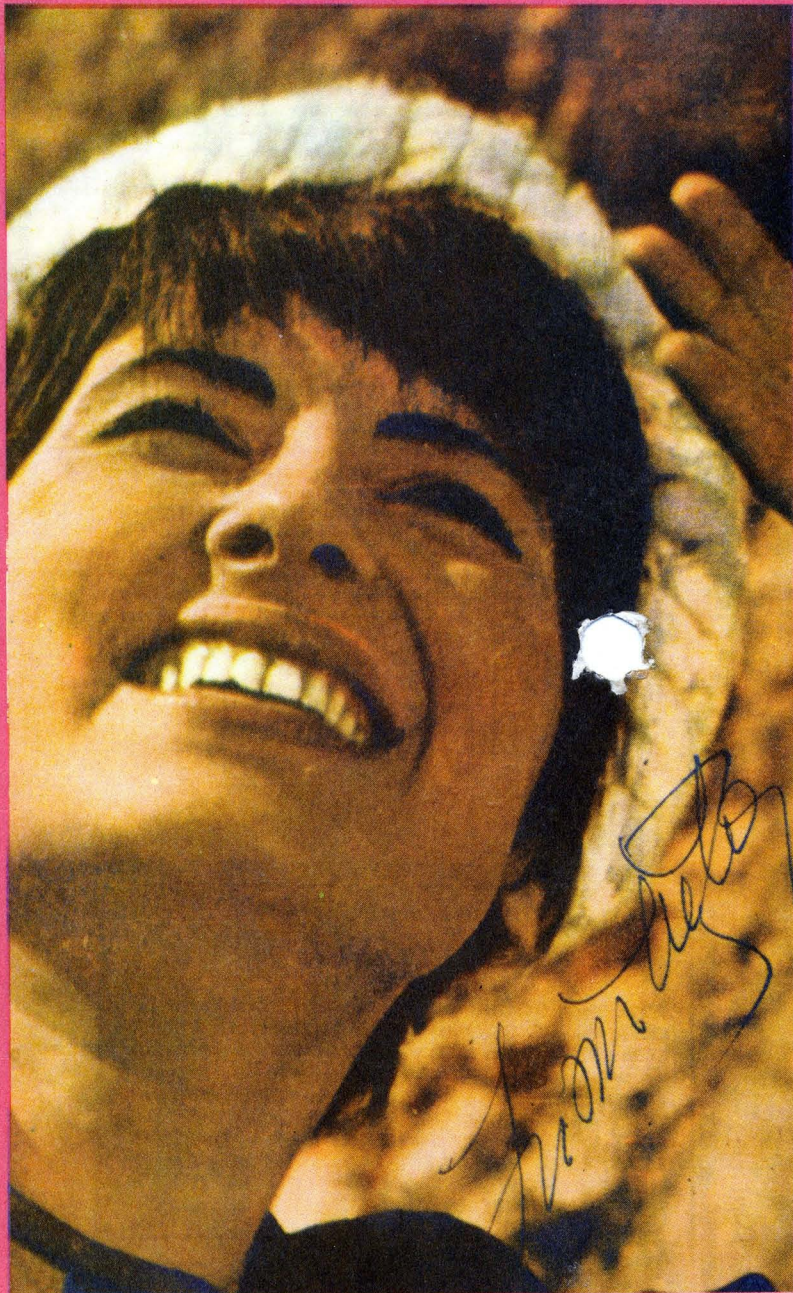

Дмитрий СУХАРЕВ

*Поющий
фриЗрак*

Фото А. Лидова.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

ЛУМИНИЦА ДОБРЕСКУ

12

Румыния

По традиции эта обложка посвящается певцам, которые давно и прочно утвердились в звании мастеров эстрадной песни. На этот раз мы расскажем об исполнительнице, которая еще не получила ни одной золотой — миллионной — пластинки со своими записями, ни разу не переплывала океан и вообще первый шаг к популярности сделала совсем недавно. Но шаг этот сразу обозначил походку...

С 1968 года фестиваль легкой музыки в Брашове — живописном городке в Карпатах — доставляет любителям эстрады большое удовольствие. Его открывают молодые исполнители, претендующие на звание лауреатов Брашовского фестиваля, и завершают сольными концертами законодатели современного песенного стиля. В прошлом году вместе с дебютантами в Брашове пели англичанин Клифф Ричардс, француженка Жюльетт Греко, на приз «Золотой олень» претендовали Фрида Бонкара, Янош Коош, Жаклин Мидинетт и еще двадцать пять популярных певцов и певиц. Но по единодушному решению и жюри и публики главным призом была награждена молодая румынка. Когда председатель жюри вручил Луминице Добреску золотую фигурку оленя, она от восторга вместо полагающегося книксена подпрыгнула так, что в зале ахнули. Впрочем, уже через несколько минут, давая интервью, она заявила, что это ее второй олень. И действительно, дома у Луминицы есть еще один — фарфоровый — первая награда за пение. Луминица получила ее четыре года назад. Только только окончив лицей, она услышала, что «телевидение ищет таланты», и рискнула принять участие в молодежной передаче-конкурсе. Тогда Луминица пела народные песни.

Потом она решила походить на всех своих кумиров сразу. Луминица старательно копировала манеру пения «звезд». На это ушло несколько лет и очень много сил. Но нашла себя певица в народных мотивах, в национальных мелодиях.

В. ГАЙДАМОВИЧ

Бухарест

Цена 1 руб.